

УДК 94, 92

КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА И СИБИРИ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: ГОРОЖАНЕ И ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ

Бочарникова А. В.

*Санкт-Петербургский научно-исследовательский центр экологической безопасности
Российской академии наук – обособленное структурное подразделение
ФГБУН «Санкт-Петербургский Федеральный исследовательский
центр Российской академии наук»
Российская Федерация, г. Санкт-Петербург
E-mail: aleksandra.bocharnikowa@yandex.ru*

Культура, быт и жизненный уклад народов являются объектом исследования этнографов с точки зрения изучения обычаев и фольклора. В научной литературе нередко опускается момент, что коренными малочисленными народами Севера считают себя не только те, кто кочует в тундре или тайге, но и жители поселков, горожане, чьи образ жизни и культура очень слабо отличаются от доминирующего населения – русских, белорусов, армян. Рассматривается проблема самоидентификации народов Севера и Сибири в городских условиях и на примере модельных интервью. В полуструктурированных биографических интервью участвовали люди разного возраста и разных национальностей (шорцы, вепсы, эвенки), но их объединило то, что они переехали из тайги или поселков в город, имели большой опыт участия в работе общественных организаций.

Ключевые слова: идентичность, этничность, вепсы, шорцы, эвенки

Введение

Одной из актуальных проблем является отток молодежи и, в целом, трудоспособного населения, из маленьких городов и поселках на Севере, причины которого очевидны – отсутствие работы, проблемы с социальной инфраструктурой – закрытие школ, больниц и детских садов. Некоторые из молодых людей приезжали учиться в университет, вышли замуж и остались в больших городах. При этом реакцией на современные процессы глобализации является интерес к национальным культурам, который иногда проявляется как патриотизм на местном уровне. Респонденты, которых опросили в течение 2020–2021, в основном, имеют опыт общественной активности в прошлом, они переехали из поселков в большие города, но для них важно было помнить о своих корнях. Даже, проживая в мегаполисах и городах, отдаленных от родных поселков, они считают важным передать какие-то традиции детям, а также напомнить о том, что важно любить свою историю [2, с. 38]. Дети и внуки представителей малочисленных этносов, родились уже в городе, но осознают, что их родители, бабушки и с дедушки жили на Севере, особенно значимым для них становится об этом помнить, если родители рассказывали о прошлом или же сохранились детские воспоминания.

Когда речь идет о городском населении, мы не можем вполне использовать определение, принятое в российском законодательстве, о том, что «коренные

малочисленные народы выделяются от остальных тем, что ведут особый образ жизни – занимаются оленеводством, традиционными охотой и рыболовством» [8, с. 46]. В данной статье мы стремимся определить, что собой представляет идентичность коренных малочисленных народов Севера, живущих или родившихся в городе.

В XX веке в советской этнографии существовали 2 основные концепции природы этносов, принятые в разных школах: петербургская [14; 15], согласно которой этнос является биологическим феноменом, и московская [7], называющая этнос социальным явлением. Однако, даже, если придерживаться петербургской точки зрения, не совсем понятно, как определить национальность, если семья смешанная (или мы не знаем своих корней), да и внешне отличить саамов от русских непросто.

В советское и постсоветское время исследованиями идентичности занимались социологи, психологи и культурологи. Социальную концепцию идентичности разрабатывали В. А. Ядов [16] и Л. М. Дробижева [4]. В. А. Ядов обращает внимание на то, что идентичность определяется чувством принадлежности к какой-то социальной общности: Социальная идентификация предполагает нестрогое обозначение групповых идентификаций, когда человек ориентируется в системе «свой-чужой» [16]. Получается, что одновременно человек может связывать себя с разными общностями, он – чукча, юкагир и при этом россиянин.

У Л. М. Дробижевой более четкое определение этничности: она предлагает рассмотреть общероссийскую идентичность, которая включает формируемые представления, чувства и нормы объяснения. Трансформация исторической памяти происходит одновременно с мифологизацией прошлого, на которую влияют интересы элит: становится престижно или не престижно относиться к малочисленным этносам [5, с. 8]. По большому счету, когда человек, определяя свою национальность, обращается не к реальному прошлому, а в значительной степени, трансформированному.

В 2021–2022 году был проведен ряд интервью среди лидеров общественных организаций коренных малочисленных народов, и также тех, кто живет в городе, но заинтересовались прошлым своего народа и историей родителей.

Вепсы («Быть вепсом – знать свой язык и помнить о корнях»)

Коренные малочисленные народы, проживающие в Ленинградской области, р. Карелии и Вологоде, были больше подвержены длительным ассимиляционным процессам, чем коренные народы Сибири, что было связано с близостью территорий их проживания к крупным русским городам – Новгороду, Петербургу, Пскову и интенсивными торговыми, экономическими и культурными контактами с русским населением [13].

Образ жизни и внешность коренных финно-угорских народов Севера-Запада мало отличаются от русских. Среди вепсов в XIX веке было не так много смешанных браков. В поселке Винницы Ленинградской области вепсы брали жен из Озер, Пелдуш, из Мягкозера, из Ладвы. Часто ленинградские вепсы находили жен в Вологодской области – в деревне Кривозеро. Дорога проходила через Немжу, шла в

Вологодскую область прямо через Пашозеро, Капшозеро, Паймик, Щучье озеро. Вепсовская гряда доходила до Кривозеро. [10, с. 156].

Респондент 1, 72 года, родился в поселке Немжа Ленинградской области, в этом поселке исторически проживали вепсы. В Немже была только начальная школа, поэтому ее жители учились, а потом работали в поселке Винницы, который был изначально русским селом. В Подпорожском и Лодейнопольском районах вепские поселки соседствовали с русскими. Он говорил на русском и вепском языке, как и его родители. Бабушка говорила хорошо по-вепски. Часто в деревню приезжал двоюродный брат, который его научил читать, а первой прочитанной книгой стали «Севастопольские рассказы» Л. Н. Толстого. Он вспоминал:

«Первая книжка, которую привез Юра, сын сестры матери, была «Севастопольские рассказы». Мы на чердаке располагались, у нас были кровати полог, фонарик у него был на батарейке, мы читаем. Он мне говорит: «Давай за мной это слово повторяй, читай». Исподволь заставлял меня читать, повторять и, я начал тихонько-тихонько. Он мне книгу эту оставил. Я всю зиму эту книгу читал. В школу я когда пошел, я уже читал. Русский язык я хорошо знал. Другие ученики все говорили на вепском языке» [11].

До того, как приехал брат, респондент русские слова читал, обращая внимания на заметки в газетах, которыми был обклеен дом. Первые четыре класса учился в деревне Немже, а его родители жили в деревне Алексеевской, в которой сейчас два человека живет. В 5 классе стал учиться в Винницах. В школе в Винницах были вепские и русские классы, он попал в вепский класс. В вепских классах дети говорили на вепском между собой, обучение проходило на русском языке.

Помимо деревни Алексеевской в Подпорожском районе существовала деревня Трифоевка (название которой совпало с фамилией респондента), ее переименовали в Савинскую (от «сави» по-вепски глина). В деревне Трифоевка он нашел свой родовой дом. О деревне у респондента остались следующие воспоминания:

«Согласно записям в летописи, национальность была названа «чудь». Глины там много красной. Я еще в детстве думал, что кирпич красный, потому что глина красная. Потом, когда уже повзрослел, увидел, что из серой глины тоже красный кирпич. Такое детское воображение» [11].

Родители работали в Немже в колхозе (в деревне было три колхоза), первым председателем колхоза был Иван Максимович Трифоев, который организовал бесплатное питание работников фермы. Было построено много домов. В послевоенное время, в 1945 году родственники респондента уехали в Выборг, где давали квартиру или финский дом, они выбрали дом. Он хотел учиться на журналиста, но брат говорил, что очень важно получить серьезную профессию, которая бы оплачивалась.

Респондент учился в Техническом училище в Выборге, получил специальность «механик судового оборудования». После окончания училища служил в армии, где получил специальность механика самолетного радиооборудования. В интервью респондент говорил о том, как важно любить Родину и ее защищать.

После армии учился в Политехническом институте на факультете радиоинформатики и технической кибернетики, по окончании которого отправился работать на северный флот:

«Так сложилось, что я отслужил 32 года. Я в академию поступил. Во время службы в морском флоте я получил медаль за боевые заслуги, когда были учения «Океан». На этих учениях мы продемонстрировали устройство радиоэлектронной борьбы. Я занимался радиоэлектронной борьбой – созданием активных помех» [11].

Помимо работы респондент был секретарем партийной организации, о советском периоде вспоминал тепло:

«Когда я учился в Военно-Морской академии, мне сказали: «Виктор Павлович, сын крестьянина должен быть в партии».

Вплоть до 90-гг, до военной пенсии, история вепсов, языка и культуры респондента 1 занимала мало. На вопрос, когда возник интерес к вепсской культуре и языку, ответил, что, когда он вышел на пенсию. В 1992 году к нему подошла руководитель Вепсского общества в Петрозаводске и предложила основать литературное общество, раз теперь он не военный. Поскольку почти все участники Вепсского общества живут в городе, оно представляет собой литературный клуб. Деятельность связана только с культурой, скорее, это просто клуб любителей вепсского языка, встречи энтузиастов, в последние годы (после 2020 года) проходившие в интернете.

Родным языком респондент 1 называют русский, потому что он на нем думает. Сам респондент пишет как на русском, так и вепсском языке: «Я и на вепсском языке пишу. Есть стихи на вепсском языке. Мне ближе русский язык: учили в школе на русском языке, если бы учили на вепсском, я был бы чисто вепским поэтом. У меня вся лексика в голове есть. У меня все книги, грамота на русском языке. Слова на вепсском языке у меня есть, но грамматики нет на вепсском языке. Приходится, чтобы не исказить эти слова посмотреть в словаре» [11].

Еще одной проблемой для использования вепсского языка становится то, что письменный язык сконструирован на основе латиницы, что мешает пожилым людям его использовать. Таким образом, выпускаемую специально для вепсов в Петрозаводске газету «Кодима» по-вепски не смогли читать пенсионеры, которые как раз говорили на этом языке в детстве. Для респондента быть вепсом - прежде всего, означает обращаться к истории, изучать свое прошлое и учить язык.

Респондент 2 (54 года) родился в Ленинграде, мать вепсянка, жила в поселке Володарская Подпорожского района Ленинградской области (сейчас переехала в Германию). Интерес к вепсской культуре возник, когда он оканчивал консерваторию. В данном случае у респондента не было каких-то детских воспоминаний, а культуру вепсов он изучал как бы со стороны. Он ездил в экспедиции, чтобы поговорить с информантами, которые сохранили язык: в Ленинградскую область, в Карелию, в Сибирь. Мама респондента говорила на вепсском языке, но ее диалект не сохранился, поскольку он очень сильно отличался от письменного языка в Петрозаводске, а сами деревни, существовавшие еще в советское время, многие исчезли.

Вепсский фольклор, по сравнению с фольклором других прибалтийско-финских народов, очень плохо сохранился, что осложняет возрождение культуры – он постоянно додумывается. В поселках очень немногие люди знают вепсский язык, так в Винницах, он с уверенностью назвал два человека, которые им владеют [12].

Про сохранение письменности респондент 2 рассказывал:

«В Ленинградской области также была подготовка акции вепсского языка «Вода», были экспедиции почти во все вепсские деревни. М. сказал, что катастрофическое ухудшение языка, что лучше всего разговаривали южные вепсы. Когда он ездил раньше, за 10 лет до этого, они великолепно разговаривали на вепском. Когда он приехал во второй раз, те же самые люди не могли изобразить на вепском, говорили очень плохо. Когда мы приехали в Сибирь, тракторист местный стал рассказывать про запчасти, тракториста, Ельцина на вепском языке, все по-вепски, мы были поражены» – рассказывал респондент. Из сибирских переселенцев в 90гг. вепсский язык знали 5–6 семей, остальные просто знали, что они «чухари, из Ленинградской области» [12].

В Ленинградской области много деревень, которые обрусели, в 1 половину XIX века, но сохранили субстрат вепсского языка, в том числе в Капшинских деревнях. Когда в поселке Винницы организовали праздник «Вепское дерево» жители говорили: «Мы не вепсы и праздника нам не нужен» (ПМА 2022).

Респондент 2 изучал культуру и язык, как исследователь и уже взрослым, а не с рождения, поэтому у него более критическое отношение к культуре со стороны. Для того, чтобы получить представление о сохранившихся вепсах и других народах Ленинградской области, обращаются к данным Переписи (Интернет-портал Федеральной службы государственной статистики), но работать с ними проблематично даже специалистам по этнографии и демографии. В советское время переписчики переходили в колхозы, брали похозяйственные книги, всем жителям колхоза писали национальность «русские» (в итоге, респондент рассказывал про бабушку с дедушкой, которые по-русски не говорили, но были записаны как русские).

В Переписи 2021 года не было переписчиков в деревнях, более того, все записывались, как хотели, она стала еще более сомнительным источником для интерпретации. По поводу сложной ситуацией, связанной с невозможностью посчитать численность вепсов, респондент прокомментировал: «В позапрошлую Перепись проводили мощную пропаганду, объясняли местному населению, что надо записываться водью или ижорой. В результате, у них было 4 тыс. води, владеющим ижорским языком, очень много. Цифры не имели отношения к действительности» [12].

В Петрозаводске после Переписи 1989 года было записано 15 тыс. вепсов, такая большая цифра объяснялась тем, что люди записывались, когда это могло принести выгоду:

«Откуда взялись вепсы? Зайцева сказала, что вепсами записались, потому что решили, что им за это что-то будет. Прошло время. Вепсам ничего не было за то, что они вепсы. Только хуже все стало. И они перестали записываться вепсами» [12].

Часто с вепсами, ижорами или водью идентифицируют себя, когда это становится экономически выгодным – это тоже не новая практика. В работах В. К. Арсеньева «Вымирание инородцев Амурского края» отмечается тот факт, что многие китайцы записывались тазами или удэгейцами, поскольку китайцев выдворили с этой территории.

Подсчитать реальное количество вепсов (или людей, владеющих вепским языком, что не одно и то же) сложно. Для того, чтобы записаться вепсом, сейчас не имеет значение, имеет ли человек какие-то вепские корни, или вообще какое-то отношение к вепсам. В советское время ситуация была противоположная: всех вепсов, ижору и водь записывали русскими, потому что не считали отдельным народом [9].

Выучить вепский язык непросто, поскольку он относится к финно-угорской группе, более того, язык разделен на диалекты, из которых наиболее оформленные – северный и южный, средневепский диалект – конгломерат разных говоров, у которых разная грамматика. Письменный вепский язык – искусственно созданное образование, а из-за того, что он создан на основе латиницы, на нем сложнее читать, да и он опосредованно связан с живыми диалектами.

Ситуацию с языком респондент обрисовал следующим образом: «В основном, письменный язык насаждается в Карелии, где только северный диалект, который очень далек от этого языка. Единственная задача письменного языка – это поддержание языкового пространства, поддержание языковой среды. Демографически выглядит так: старшее поколение владеет языком, среднее поколение выбито. Старшие не разговаривают с ними по-вепски. Средние, в лучшем случае, понимают. С младшим поколением никто по-вепски не говорит. Дети вепским языком очень плохо владеют или вообще не владеют...» [12]. Однако, старшее поколение не знает письменного языка, не сможет разговаривать на нем с младшим.

На вопрос о том, что нужно, чтобы считаться вепсом, респондент ответил, что необходимо знать язык:

«Пусть родственников нет, но выучил язык – это уже ближе. В Петербурге, в Подпорожье, в Лодейном поле очень много таких. Кто говорит, что я вепс, хоть я языка не знаю, родители не знают, но есть бабушка, которая говорит.

Какой вепс? Что-то вымывается раньше, что-то вымывается позже. Но язык вымывается позже. Культура вымывается очень рано, потому что она вообще традиционная. Советская власть поломала культуру своим существованием. Патриархальная семья, заветные праздники – очень быстро все исчезло – в середине 30гг. Если что-то было, то это остатки» [12].

В целом, ситуацию с языком и культурой он назвал катастрофической: если у других народов традиционная культура, фольклор отличается от других народов, то у вепсов этого нет. Население деревни катастрофически уменьшалось: в Ванозере 80 человек, в Мягозере 2 осталось. Закрываются школы и детские сады.

Эвенки («Быть – эвенкийкой, значит, помогать северянам»)

Респондент 3, 75 лет, родилась в семье оленеводов – в селе Стойба Селемджинского района Амурской области. Мама была эвенкийкой, папа – якутом. Поселок Стойба был ликвидирован в результате политики по укрупнению поселков. В Амурской области оленеводство почти полностью исчезло, что было связано со строительством БАМа и добычей золота. Золотопромышленники перерабатывают землю, пастбища разрушаются, а реки после промыва золота становятся желтыми, после них ни пить, ни питаться нельзя. Это разрушает не только оленеводство как промысел, но и у людей в населенных пунктах нет воды и питья [14, с. 198–200].

Мама говорила на эвенкийском языке, родители кочевали в тайге. Брат стал оленеводом, всю жизнь провел в тайге. В поселке была 7-летняя школа. Респондент рассказывала, что, когда встречала в тайге геологов, мечтала об этой профессии. Отец отговорил учиться на геолога: «Это так сложно, что мы в тайге живем. Иди лучше учительницей». После окончания школы она поступила в Педагогическое училище Николаевска-на-Амуре [12].

После того, как она окончила училище, она два года жила в поселке и работала учительницей. Эвенкийский язык она учила уже в поселке. К родителям она ездила на каникулы в Селемджинский район.

После двух лет работы решила поступить на специальность «учитель русского и родного языка» в РПГУ им. Герцена. Разницы между русскими и другими народами не было, но существовало разделение между городскими и «общежитскими». Сильного различия между студентами факультетами не было, все учились в центре.

Об учебе в университете у респондента 3 остались прекрасные воспоминания:

«Занятия были на Мойке, 48, было то, что редко бывает сейчас, были поточные занятия, где мы слушали лекции вместе со всеми потоками на филфаке. Чувствовали себя равными. Сейчас больше разделения, живут они в разных местах, мало точек соприкосновения с другими факультетами. Когда мы учились, у нас были знакомые ребята, с которыми мы общались, менее тесно, поскольку они городские, мы были из общежития» [12].

Важное место в обучении занимала культурная программа, которая позволила погрузиться в новую среду:

«Это тоже важно было для того, чтобы влиться, знать культуру. Это большой плюс, когда мы учились, у нас тех, кто был на гос обеспечении, была хорошо продуманная культурная программа. У нас каждое воскресенье или субботу, была куда-то экскурсия автобусная: или в музей ехали, в Эрмитаж или русский музей, по городу. Постоянно, кто хотел, ездил. Знание города у меня оттуда. Мы ездили с ансамблем выступать. В Прибалтику у нас туры были. На Валаам ездила, когда уже закончила Герцена, как руководитель со студентами. Туры были недешевые – группу вывозить, но эта была традиция. Это продумывали. Это хорошо, сейчас такого нет» [12].

В ходе обучения в университете активно включались в культурную жизнь Санкт-Петербурга, в этот период у студентов сформировалась двойная

идентичность: они связаны и со своей национальной культурой, воспринимают культурную традицию Петербурга.

Респондент активно участвовала в комсомольской деятельности, говорила, что специфика таежного воспитания в том, что в результате него люди более активные и самостоятельные, чем те, кто воспитывался в городе. Дети, которые растут в тайге или тундре, рано взрослеют: надо помогать родителям. Они уже в возрасте 5 лет принимают пойманных оленей, кормят оленей солью, поддерживают костер. Как правило, студенты, выросшие в тайге или тундре, более ответственные и взрослые. После университета респондент поступила в аспирантуру, учила эвенкийский язык, ездила в различные экспедиции.

Общественная активность, связанная с коренными народами, началась в 1990–2000 годы, когда она стала первым президентом Ассоциации коренных народов в Петербурге. На этой должности она была 12 лет. В основном, ассоциация решала вопросы материального обеспечения, оказывала финансовую помощь, это касалось всех студентов из числа коренных малочисленных народов, которые учились в Петербурге.

На вопрос о том, обязательно ли жить в поселке (тайге или тундре), чтобы быть эвенком ответила: «Язык – это часть культуры. Это же не значит, что мы все в тайге или в тундре будем жить. Сейчас вообще это невозможно, это такая утопия. Многие желают, но это не может быть действительным. Хотят сохранить оленеводство, но, насколько это можно будет сделать явью, это большой вопрос. В какой-то степени нужно это поддерживать и сохранять, потому что есть люди, которые хотят заниматься. Есть люди, которые хотят этим заниматься, но мало молодых, там физический труд нужен. Мало молодых ребят, которые хотят в тайгу поехать и в тайге жить» [12].

Многие из выпускников РПГУ им. Герцена, окончив университет, возвращаются обратно. В некоторых регионах есть структуры, которые занимаются проблемами коренных народов, но, как правило, это касается автономных округов.

Своим внукам, которые уже живут в городе, респондент привила интерес к своей культуре, рассказывала про свою работу. Обе внучки поступили на «североведение» – кафедру этнокультурологии РПГУ им. Герцена. Они родились и выросли в Петербурге, возвращаться уже не планируют. Респондент переводит Библию на эвенкийский язык. Для нее важна «северная идентичность», а сохранению народа способствует изучение культуры.

ШОРЦЫ («Быть шорцем – решать проблемы своего народа»)

Респондент 4, 67 лет, родился в таежном поселке Темиртау в Горной Шории. Мама работала в геологоразведке. После школы полгода работал помощником бурового мастера. Затем служил в армии. Когда вернулся из армии, поступил в Новокузнецкий металлургический институт, где получил специальность «инженер-электрик». По распределению работал на электрификации железных дорог.

Респондент 4 активно участвовал в деятельности комсомольской организации, ему предложили возродить комсомол, когда он устроился работать в монтажную организацию. В монтажной организации было много комсомольцев, но многие

уезжали на линейные объекты – на вторые пути БАМа и в Казахстане и уже не возвращались. Деятельность пионерской и комсомольской организации в СССР оценивает положительно: детьми и молодежью много занимались, а и система образования была лучшей в мире.

Респондента 4 пригласили в органы государственной безопасности. Респондент, когда служил, занимался противодействием буржуазному национализму. Он свою службу вспоминал с гордостью, она позволила смотреть по-другому на вопросы государственного управления, знал ее изнутри. В 1990 гг. респондент вышел в отставку. Рассказывая историю своей жизни до 1990 гг., респондент не говорил о том, что для него важно было, что он шорец, какого-то разделения между шорцами и русскими не было заметно.

В 1995 году респондент был кандидатом в депутаты Государственной Думы, поддержан губернатором Тулеевым. Одновременно его пригласили в Рабочую группу по коренным народам, а депутатом Государственной Думы стал другой кандидат.

Пока респондент работал в общественном секторе, он себя идентифицировал не столько, как шорец, сколько как «представитель коренных малочисленных народов». Для него важна работа по правам коренных народов. Участвовал в международной деятельности по трем направлениям: права коренных народов, декларация о биологическом разнообразии, организация интеллектуальной собственности.

Начиная с 2007 года, респондент работал в Совете Федерации:

«На последнем этапе я просто увидел то, что ни в одном из органов федерального уровня из органов государственной власти нет специалистов по правам коренных народов. Я не говорю о представителях коренных народов: их нет физически. Я не говорю о политиках, которые сегодня являются сенаторами, как Ледков или Отке. Я не говорю о депутатах Государственной думы, которым были, Хороля, и Ледков, и Гоголева. Специалистов нет в аппарате комитета. Я был последним, кто работал в аппарате Совета Федерации» [12].

Департамент межнациональных отношений состоит из специалистов в области культуры и образования. Основные проблемы связаны с отношениями коренных народов и недропользователей, а не с сохранением культурных праздников.

До работы с коренными народами респондент в интервью не разделял людей на группы «коренные народы» и «недропользователями», то есть те, кто не относился к коренным малочисленным народам, а работал в геологоразведке. Самоидентичность приобретается во время обучения или работы, когда человек решает, чьи интересы он защищает.

На территории Кузбасса добывается уголь и разрабатывается золото. Земли в регионе сдаются под аренду промышленникам, а охотничьи угодья сокращаются. В советское время коренные народы осуществляли промысловую охоту, а земля была государственная. Серьезные проблемы начались после перестройки, когда территорию стали снимать частники.

Из интервью с респондентом: «Ареалы земли, или территории, на которых шорцы испокон веков осуществляли свою традиционную хозяйственную деятельность, стремительно сокращаются. В Перечне мест традиционного проживания, хозяйственной деятельности есть только один населенный пункт. Сегодня границы населенных пунктов заканчиваются огородами. За населенными пунктами нет никакой территории, близко к ним прилегающих...Нет ни одного гектара угодий, закрепленного за шорскими охотниками. Все охотничьи угодья проданы с молотка. Естественно, победили не шорцы. Никакой поддержки региональная власть шорским охотникам и общинам не осуществляла, хотя у них записано в положении, что министерство культуры занимается положением шорцев и телеутов» (ПМА 2022).

Деятельность респондента касалась защиты прав коренных народов, в частности, шорцев, когда он пишет письма губернатору и в Департамент межнациональных отношений. Одной из проблем является то, что территории, где охотятся шорцы и телеуты, не включены в Перечень мест традиционной деятельности коренных народов. Для того, чтобы решить проблемы коренных народов, с точки зрения респондента, необходимо привлекать ученых, которые бы доказали необходимость создания территорий традиционного природопользования.

Респондент 4 рассказывал, что все вопросы, которые смогли решить, решались через прокуратуру. Например, чтобы заниматься охотой на территориях вокруг поселка, необходима была отметка в охотничьем билете. Министерство природных ресурсов запрещало постановку отметок, поскольку территории не были в Перечне территорий традиционного природопользования. О проблемах шорцев из интервью:

«Губернатор подписывает третий год подряд постановления о квотах и лимитах для шорцев: там ничего не выделяется. Такое ощущение, что исполнительным органам власти поставлена задача шорцам и телеутам вообще ничего не сдавать. Охоты нет. Социальной пенсии нет. Территории традиционного природопользования не образуют» [12].

Вопрос с постановкой штампа в охотничьем билете решился через прокуратуру и личные связи: респондент составил 2 обращения в прокуратуру, съездил в областную прокуратуру, после чего поставили штамп в билете.

В Горной Шории есть общественная организация – Ассоциация шорского народа – Шория, но, по мнению респондента, она не защищает права коренного населения. В качестве примера он рассказал о случае, когда чиновники из Департамента по охране объектов животного мира говорили о том, что у шорцев нет территорий для ведения традиционного образа жизни. О местных жителях и проблемах идентичности респондент рассуждал следующим образом:

«Как быть с вопросами идентичности здесь? Как сохранить шорцам то, что они являются шорцами? Они ничего этого не знают. Они безграмотны, они аполитичны. Более того, они запуганы. Они предпочитают остаться в стороне и не связываться с этими чиновниками, потому что хорошо понимают, что их могут уволить с работы» [12].

В результате деятельности золотодобывающей компании был ликвидирован национальный поселок Ильинка, где дети разговаривали на шорском языке. В поселке осталось 4 дома, остальные жители переехали в Магнитогорск. В Горной Шории существовало всего три поселка, где говорили на национальном языке, один поселок был ликвидирован. Для того, чтобы сохранить идентичность шорцев, с точки зрения респондента, необходимо, чтобы территории были отданы в безвозмездное пользование коренных народов:

«Народ будет иметь какие-то перспективы сохранить свою идентичность, когда получит решение этих вопросов. Земля, территория, доступ к природным ресурсам – тогда будет возможность вести традиционный образ жизни, который вели их предки. Что такое традиционный образ жизни? Это исторически сложившиеся способы жизнеобеспечения. Будут сохранять традиционные формы жизнеобеспечения (это возможно только при осуществлении традиционной хозяйственной деятельности). Тогда будет сохраняться родной язык, он будет применяться, потому что в тех традиционных видах хозяйственной деятельности – животноводстве, оленеводстве, табунном коневодстве, рыболовстве очень много терминов, которых нет на русском языке» [12].

При ликвидации поселков, где дети говорят на национальном языке, язык исчезает: в городах и рабочих поселках остается язык доминирующего населения. На вопрос, говорит ли респондент на шорском языке, ответил: «Я родного языка не знаю, потому что мама с бабушкой разговаривали. Бабушка помогал воспитывать нас двоих с братом. Они редко говорили на родном языке, потому что в то время стояла задача дать образование, чтобы стать успешным. Образование было только на русском языке, но я понимал разговорную речь, когда был маленьким. Общаюсь с родственниками, с друзьями, я понимал. Потом вся моя жизнь, три высших образования, были получены в русскоязычной среде. Естественно, я был оторван от родной языковой среды, я не разговариваю на родном языке. Мои дети уже не разговаривают на родном языке» (ПМА 2022).

Когда говорили об идентичности, респондент отмечает, что, в первую очередь, ты – представитель этноса, потом гражданин РФ. Респондент до того, как он стал заниматься защитой прав коренных народов, обращал внимание на то, не говорит о национальной принадлежности, важно то, что он именно гражданин СССР. В речи разделение «коренные народы» и «доминирующее население» появилось позже. Более того, у респондента складывается тройная идентичность – принадлежность к группам «граждане России», «шорцы» и «коренные малочисленные народы Севера».

Заключение

Понимание того, что означает быть вепсом, шорцем и эвенком – национальная идентичность – очень сильно различается у респондентов, даже у одного человека менялась в течение жизни. Никто из опрошенных не придавал особое значение происхождению, акцент, когда речь шла об отличиях, был на прошлое, язык или культуру. В какой-то период, например, в детстве и юности для респондента из Шории или респондента из Ленинграда не имела значения этническая

принадлежность, после изменений, связанных с профессиональной деятельностью, когда человек вышел в отставку, или, напротив, стал участником общественного значения, отношение изменилось.

У вепсов, которые в значительной мере ассимилированы, по сравнению с народами Сибири и Севера, критерии отличия – язык и прошлое (либо человек жил в деревне, либо родственники были вепсы). Вепсы идентифицируют себя именно с вепсами, а не с коренными малочисленными народами, это связано с тем, что оба респондента активно в деятельности международных организациях коренных народов не участвовали. Общественная деятельность сводится к литературной. Большое внимание уделяется языку, потому что образ жизни и культура вепсов похожа на русскую.

Для третьего респондента из Амурской области важность самоидентичности как эвенкийки была связана с обучением в университет (поскольку она получила специальность – учитель родного и русского языка, опять же это выделяло ее от студентов из города), а потом работой, связанной с изучением культуры Севера в университете. Когда она стала президентом Ассоциации коренных народов в Петербурге, важно было не только, что она эвенкийка, но и то, что она из северного региона, член общности – коренные малочисленные народы Севера. У респондента есть понимание, что культура связана с традиционными занятиями – оленеводством, традиционную деятельность надо поддерживать, только в том случае, если есть те, кто хочет ей заниматься, но всех обратно в тундру и тайгу селить невозможно, это утопия. Эвенкийский язык она выучила позже, рассказывала внукам про эвенков.

Для четвертого респондента идентичность стала иметь решающее значение в 90гг., когда он стал работать сначала в общественных организациях, потом в государственных структурах в Москве и в Горной Шории. После деятельности общественных организаций в 1980–1990 гг., по признанию антропологов, появилась идентичность «КМНСовцы».

Респонденты, переехавшие в города, хорошо адаптировались для жизни в городах, Новокузнецке и Санкт-Петербурге, чувствуют себя горожанами, но помнят про национальную и культурную принадлежность. Самоидентификация пластична, она может быть двойной или тройной, зависит от условий.

Список использованных источников и литературы

1. Арутюнов С. А., Бромлей Ю. В. Perspectives on Ethnicity. Hague, Paris, – 1978. – 458 с.
Arutyunov S. A., Bromlej Yu. V. Perspectives on Ethnicity. Hague, Paris, – 1978. – 458 s.
2. Башкарев А. А. Развитие дорожной инфраструктуры как фактор сохранения малых этносов (на примере вепсов) // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки». – 2015. – № 2 (32) – С. 36–39.
Bashkarev A. A. Razvitie dorozhnoj infrastruktury` kak faktor soxraneniya maly`x e`tnosov (na primere vepsov) // Vestnik Yaroslavsogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Seriya «Gumanitarny`e nauki». – 2015. – № 2 (32) – S. 36–39.
3. Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера земли. М: Аст, 2019
Gumilev L. N. Etnogenez i biosfera zemli [Ethnogenesis and biosphere of the earth]. Moskow: Ast, 2019

4. Дробижева Л. М. Историческое самосознание как часть национального самосознания народов // Традиции в современном обществе: сб.ст. М.: Политиздат, – 1990.
Drobizheva L.M. Istoricheskoe samosoznanie kak chast' nacional' nogo samosoznaniya narodov // Tradicii v sovremennom obshhestve: sb.st. M.: Politizdat, – 1990.
5. Дробижева Л. М. Консолидирующая идентичность в общероссийском, региональном и этническом измерениях // Перспективы. Электронный журнал. – 2018. – № (15). – С. 6–21.
Drobizheva L. M. Konsolidiruyushaya identichnost' v obshherossijskom, regional' nom i e`tnicheskom izmereniyax // Perspektivy`. E`lektronny`j zhurnal. – 2018. – № (15). – S. 6–21
6. Интернет-портал Федеральной службы государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/media_official_comments/document/95095 (дата обращения 10.10.2022)
Internet Portal URL: https://rosstat.gov.ru/media_official_comments/document/95095 (10.10.2022)
7. Козлов В. И. Проблемы этнического самосознания и его место в теории этноса // Козлов В. И. Советская этнография. – 1974. – № (4). – С. 79–92.
Kozlov V. I. Problemy` e`tnicheskogo samosoznaniya i ego mesto v teorii e`tnosa // Kozlov V. I. Sovetskaya e`tnografiya. – 1974. – № (4). – S. 79–92
8. Кряжков В. А. Традиционный образ жизни коренных малочисленных народов в конституционно-правовом измерении // Государство и право. – 2004 – № (17). – С. 44–55.
Kryazhkov V. A. Tradicionny`j obraz zhizni korenny`x malochislenny`x narodov v konstitucionno-pravovom izmerenii // Gosudarstvo i pravo. – 2004 – № (17). – S. 44–55.
9. Манаков А. Г., Бочарникова А. В., Теренина Н. К. Факторы динамики численности разделенных границами частей малочисленных народов вепсов и сету (сето) // Этнография. 2022 – №3 (22). – С. 49–69.
Manakov A. G., Bocharnikova A. V., Terenina N. K. Faktory` dinamiki chislennosti razdelenny`x graniczami chastej malochislenny`x narodov vepsov i setu (seto) // E`tnografiya . 2022 – №3 (22). – S. 49–69.
10. Петухов А. В. Административная разобщенность – фактор ускорения ассимиляции вепсов // Петухов. ..Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск, 1989. – 163 С.
Petuhov A. V. Administrativnaya razobshhennost` – faktor uskoreniya assimilyacii vepsov // Petuhov. ..Problemy` istorii i kul`tury` vepsskoj narodnosti. Petrozavodsk, 1989. – 163 S.
11. Полевые материалы автора, 2021
Polevy`e materialy` avtora, 2021
12. Полевые материалы автора, 2022
Polevy`e materialy` avtora, 2022
13. Строгалыщикова З. И. Об этнографических тенденциях, социально-экономическом и культурном развитии вепсской народности // Проблемы истории и культуры вепсской народности. Петрозаводск. – 1989. – С. 27–42.
Strogal'shnikova Z. I. Ob e`tnograficheskix tendenciyax, social' no-e`konomicheskom i kul'turnom razvitii vepsskoj narodnosti // Problemy` istorii i kul`tury` vepsskoj narodnosti. Petrozavodsk. – 1989. – S. 27–42.
14. Тураев В. А. Оленеводческое хозяйство коренных народов Дальнего Востока в современных условиях // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – № 19. – С. 195–216.
Turaev V. A. Olenevodcheskoe hozyajstvo korenny`x narodov Dal'nego Vostoka v sovremenny`x usloviyax // Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Geoarxeologiya. E`tnologiya. Antropologiya. – 2017. – № 19. – S. 195–216.
15. Хрущев С. А., Клоков К. Б. Эволюция этногеографических исследований // Проблемы этнической географии и культурного районирования. Ред. А. Г. Манаков. Псков: Изд-во АНО «Центр социального проектирования «Возрождение». 2004. С. 5–14.
Xrushhev S. A., Klokov K. B. E`volyuciya e`tnogeograficheskix issledovanij // Problemy` e`tnicheskoy geografii i kul'turnogo rajonirovaniya. Red. A. G. Manakov. Pskov: Izd-vo ANO «Centr social' nogo proektirovaniya «Vozrozhdenie». 2004. S. 5–14
16. Ядов В. А. Социальные и социально-психологические механизмы социальной идентификации личности // Мир России. – 1995. – № 3(4) – С. 158–181.

Yadov V. A. Social'ny'e i social'no-psixologicheskie mexanizmy' social'noj identifikacii lichnosti // Mir Rossii. – 1995. – № 3(4) – S. 158–181.

Bocharnikova A. V. Indigenous Peoples of the North and Siberia and Identity: Citizens and Immigrants

The culture, life and way of life of peoples are the object of study by ethnographers in terms of the study of customs and folklore. The scientific literature often omits the point that not only those who roam in the tundra or taiga, but also residents of villages, citizens whose lifestyle and culture are very slightly different from the dominant population consider themselves the indigenous small-number peoples of the North.

The article examines the problem of self-identification of the peoples of the North and Siberia in urban conditions and on the example of model interviews. Semi-structured biographical interviews involved people of different ages and different nationalities (Shors, Veps, Evenks), but they were united by the fact that they moved from taiga or villages to the city, had extensive experience in participating in the work of public organizations.

Keywords: identity, ethnicity, vepses, shors, evenks